

Сергей Лысков

Куда пропал Нельсон?

Рассказ

16+

Сергей Геннадьевич Лысков

Куда пропал Нельсон?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43116522

SelfPub; 2019

Аннотация

Где только они не были: на пиратских шхунах, сражаясь на стороне добра; в лилово-розовых и плюшевых мирах мягких игрушек; в космических путешествиях и галактических войнах; в глубоких золотых шахтах с огнедышащими драконами; в страшных подворотнях, дрожа при виде ночных чудовищ, и даже во взрослых снах, тайком подглядывая за целующимися на заднем сиденье авто. И всё новые и новые пузыри сновидений были ещё впереди, и за каждым – свой мир.

Это было так неожиданно: темнокожий парень, примерно возраста Эмул, смолянисто-чёрного цвета кудряшки на голове, уверенный взгляд, шоколадного цвета губы и добрая улыбка – это было неожиданным для Эмул, увидеть его во сне. Он появился внезапно, и первое, что он сделал, – откатил от кровати девочки кресло-коляску, а затем уверенно предложил:

– Верь мне, идём!

Эмул часто видела себя во сне. Мир снов оставлял её недуг в нелюбимой реальности, и тут, в мире сновидений, Эмул умела всё: ходить, бегать и даже летать. Но это сновидение было иным, будто бы реальность: комната, кресло-коляска и этот жизнерадостный паренёк. Сначала было обидно осознавать, что в эту ночь не получилось погулять по городу, она даже подумала, что наступило утро. И через мгновение в её комнату войдёт отец и скажет привычную фразу: «Просыпайся, солнышко, впереди новый день!» Потом он возьмет её на руки, посадит в кресло-коляску. И начнётся ещё один день в тюрьме на колёсиках. Тринадцатилетняя девочка чётко представляла всю неизбежность грядущих событий. И это было обидным, особенно в первые минуты сновидения, когда ты ждёшь путешествия, а не концовки сна. Складывалось ощущение, что у тебя украли праздник, без объяснений и ничего не предлагая взамен. Один нюанс: откуда в комнате взялся темнокожий паренёк?

– Поверь мне, идём! – еще раз произнёс ночной гость.

– Кто ты? – тут же спросила Эмул, пристально рассматривая его.

– Нельсон, – представился парень и сел рядом на край кровати.

– Я – Эмул, – ответила худенькая голубоглазая девочка. – Как ты сюда попал?

– Я могу гулять по чужим снам.

– Так это мой сон? – радостно спросила Эмул.

– Да, – улыбаясь ответил Нельсон.

Эмул тут же поджала ноги под пледом и заплела длинные тёмно-каштановые волосы в косичку. Она так всегда делала перед прогулкой по городу из сновидения.

– Рад, что ты перестала верить в болезнь, – говорил Нельсон, оглядываясь по сторонам. – Но у нас мало времени, и если ты хочешь дружить, то запомни моё имя и напиши его на бумаге, как проснёшься. А перед сном положи листок под подушку, и я смогу прийти к тебе, – объяснил он. – Ты всё поняла, Эмул?

– Я ещё не дружила ни с кем... я не умею дружить, – оправдывалась она.

– Я научу тебя, – улыбнулся Нельсон и тут же добавил: – Главное, не забудь моё имя.

– Нельсон, – только и успела повторить Эмул, как её глаза открылись от прикосновения отца.

Сновидение закончилось, предстоял обычный будний день: завтрак, учителя, которые обучали на дому, прогулки

по веранде в кресле-коляске и телевизор, который хоть и был неодушевлённым предметом, но в мировоззрении Эмул считался другом. Впрочем, такими же друзьями были игрушки, компьютер и даже кресло-коляска. Понятие дружбы у тринадцатилетней девочки приравнивалось к понятию «личная вещь».

В шестилетнем возрасте Эмул получила травму спины: дети играли в прятки. Спрятавшись за окном на карнизе, маленькая девочка не удержалась и упала, нелепая случайность привела к трагедии – параличу конечностей. Врачи делали положительные прогнозы, уверяя, что в скором будущем Эмул поправится, но девочка росла, взрослела, а чувствительность ног не появлялась, никто не мог объяснить, почему Эмул боится ходить. Многочисленные психологи то и дело разводили руками, рекомендуя всё новые и новые реабилитационные центры, но итог был прежним. Утро, кресло-коляска и исчезающая надежда на положительный результат.

Уже вечером, после вкусного ужина мамы, Эмул с ужасом поняла, что забыла имя ночного друга. Это было так обидно: целый день ожидания, планирование игр, она даже придумала вступительную речь, и всё впустую. Она не помнила его имени. Эмул живо представляла его взгляд, его улыбку, даже ладонь, которую он протягивал. Но всё это было бесполезным без написанного на бумаге имени. Эмул так и уснула, держа под подушкой руку с зажатым в ней чистым листком

бумаги.

Нельсон не пришёл.

В ту ночь она видела обычный сон и уже перед завтраком поймала себя на мысли, что образ ночного гостя стал размытым, словно желая раствориться в лабиринтах памяти. Испугавшись, она взяла простой карандаш и на помятом листе бумаги нарисовала портрет ночного гостя. «Может, это срabотает?» – подумала она и положила портрет в книжку.

– Теперь уж точно не забуду, – сказала Эмул и поставила вазу на книгу. – К вечеру рисунок станет ровненьким, и я попробую ещё раз.

– Эмул, завтракать, – раздался звонкий голос матери из столовой.

– Еду, – ответила она и, крутя колёса кресла-коляски, в приподнятом настроении поехала на кухню.

День был чем-то похож на дождливые дни, когда послеобеденная прогулка по улице заменялась катанием по веранде или простым наблюдением за наполнявшимися лужами возле дома. В такие дни, казалось, время замедлялось, и чем чаще ты смотрел на часы, тем медленнее секундная стрелка делала оборот. Эмул весь день провела в ожидании, терзая себя сомнением, сработает задумка с портретом под подушкой или темнокожий парень снова не придёт. А перед сном, аккуратно свернув портрет, надеясь на долгожданную встречу, она уснула.

Нельсон не пришёл.

* * *

Томасу было тринадцать лет, и он боялся мира за пределами своей спальной комнаты, это был дикий, неуправляемый детский страх. И если днём Том никогда не был один, то ночью его страхи обретали полную силу. Он спал с включённым ночником и в окружении любимых игрушек. Выработанная за годы последовательность ночных обрядов помогала от кошмарных снов, но были дни, когда и они не приносили нужного результата. Ему снились огромные деревья, проникающие в спальную комнату колючими сухими ветками и пытавшиеся вытащить Томаса из тёплой кроватки. Кошмары всегда заканчивались криком, плачем и обострением его фобий. Поначалу он бегал в спальню родителей, это закончилось тем, что врачи прописали ему чёрные горькие таблетки, от которых только клонило в сон, а страхи никуда не уходили, а потом он перестал делиться своими страхами с кем-либо. И если кошмару удавалось проникнуть в его сон, Томас просто просыпался, открывал занавеску, смотрел на фонари, на старую раскидистую акацию во дворе, уговаривал себя, что сон закончился, и тихонько ложился в кровать, пытаясь уснуть. Не всегда это получалось, но будить родителей предвещало очередные походы по врачам и всё новые и новые таблетки. Поэтому молчание, как он думал, было верным решением.

Тот чёрно-белый сон начался как кошмар, но вместо при-

вычного сценария, когда медленно растущие ветви дерева продавливали стекло, обвивая его руки и вытаскивая на улицу, Том понял, что ничего не происходит. И эта неопределённость заставила его выглянуть в окно.

– Эй, парень, спускайся, помоги, – кричал темнокожий подросток, отгоняя большой палкой пытавшиеся забраться в дом ветви дерева.

– А ты кто? – высунувшись в окно, громко спросил Том.

– Я Нельсон! – с улыбкой крикнул паренёк и с силой ударил по дереву.

Ветви словно змеи зашипели и поползли прочь от дома. Было видно, как дерево с каждым новым ударом по стволу превращается в прежнюю акацию, и Нельсон что есть сил бил по нему палкой. На десятом ударе дерево стало прежним. Том перелез через подоконник, спрыгнул с карниза веранды и подошёл к темнокожему подростку. Разглядывая ночного гостя, он заговорил первым:

– Зачем ты мне помогаешь?

– Я хочу с тобой дружить, – радостно ответил Нельсон.

– Во сне? – удивился Том. – Разве можно дружить во сне?

– А ты попробуй, – улыбнулся кареглазый паренёк с блестящими кудряшками на голове.

Том улыбнулся в ответ и протянул ему руку:

– Томас.

– Нельсон, – ещё раз представился ночной гость. – Твой кошмар по страху тянет на двоечку из десяти.

– Я бы так не сказал, – возмутился Том.

– Тут весело, а не страшно, – улыбнулся Нельсон. – Вот десять из десяти по моей шкале страха – это страшно.

– Покажешь?

– Расскажу.

И Нельсон рассказал ему всё, что знал о страхе. Всё-всё-всё, о самых зловещих местах и самых невообразимых тварях, которые пугали одним своим названием. Мальчишки, с включённым фонариком спрятавшись под одеялом, рассказывали о том, что пугает и заставляет оцепенеть, о том, что мучает по ночам и наводит ужас в дневное время. И так пролетела ночь. Томас перед пробуждением поймал себя на мысли, что это было самое классное сновидение из тех, которые он помнил. И на вопрос: «Ты придёшь завтра?» – темнокожий друг рассказал Тому, как помочь ему проходить в его сны. Нужно написать «Нельсон» на белом листке бумаги и обязательно положить под подушку. Это было непреложным условием. Простой и незамысловатый ритуал для дружбы.

Надо заметить, на следующую ночь Том сделал всё правильно: сложенная пополам белая бумага и написанное простым карандашом слово «Нельсон».

***

Спальни мальчиков в большинстве случаев оформлены в оттенки синего цвета. И комната Томаса не была исключением: белоснежная кровать в виде космического корабля, молочно-голубого цвета обои и потолок со звёздами. Типовой

интерьер домика в пригороде большого города; гараж, лужайка с коротко стриженной травой – как говорится, необходимый минимум для комфортной семейной жизни.

Вечером, выполнив все условия тайного ритуала Нельсона, Том, наверно, впервые за несколько лет с огромным удовольствием готовился ко сну. Страх не было, он ждал предстоящее сновидение.

– Как ты это делаешь? – улыбнулся Том, дотронувшись до друга, который появился словно ниоткуда в его сне.

– Ты не поверишь, но я никуда не уходил, сидел и ждал тебя на кровати, – с улыбкой говорил Нельсон. – Ждал, когда ты уснёшь, провалившись в мой мир.

– А ты что, не просыпаешься? – спросил Том.

– Честно, не знаю, – как-то засомневался темнокожий мальчишка. – Я, сколько себя помню, всегда в мире снов. Всегда бодрый, не хочу ни есть, ни пить. Но при этом у меня столько энергии для игр в моём мире снов!

– Мир снов? – удивлённо посмотрел на него Том. – Ты, наверно, шутишь?

– Пойдём, – тут же, встав, сказал Нельсон. Он решил, что лучше раз увидеть всё своими глазами, чем пытаться описать ту вселенную сновидения, что была за границей сна Томаса.

Подойдя к окну, Нельсон с лёгкостью перемахнул через подоконник и исчез. Потом он высунул только голову и сказал: «Ну чего застыл, всё самое интересное пропустишь!» Том протянул ему руку, и Нельсон с силой дёрнул друга.

Бах!

С грохотом Томас упал на пол, а рука Нельсона исчезла в открытом окне.

– Почему ты не проходишь? – снова появившись, спросил он. – Надо разбить твой сон, он похож на мыльный пузырь с той стороны? Попробуй разогнаться и прыгнуть в окно, – подсказывал, что делать, Нельсон.

– Я не уверен, что это будет не больно, – поглаживая шишку на голове, говорил Том.

– Есть только один способ – проверить, – сказал Нельсон, посмотрев на него с улыбкой.

И, не давая опомниться, взял друга за талию. Разогнавшись и не обращая внимания на возмущения Тома, он прыгнул с ним в окно. На этот раз Том пострадал с двух сторон: одна шишка получилась от столкновения с окном, а вторая – от столкновения с Нельсоном. Развалившись на полу комнаты и поглаживая новые синяки и ссадины, Нельсон засмеялся первым.

– Ещё попытка? – сквозь смех предложил он. – А ты вообще уверен, что твой способ сработает?

– Ещё как сработает! – ответил Нельсон, а потом снова вышел за пределы пузыря сновидения.

Он с такой лёгкостью это делал, что Том даже потрогал окно, сомневаясь в его прочности. Но и стекло и рама были прочны как сталь.

«Может, взять что потяжелее?» – подумал Томас.

– Он треснул, – радостно закричал Нельсон, наполовину появившись в окне. – Он треснул – твой пузырь сна!

– Только не смей меня кидать! – пятась от Нельсона, говорил Томас. – Это очень больно, давай возьмём тяжёлый предмет и разобьём пузырь?

– Самый тяжёлый предмет в этой комнате – это ты, – улыбнувшись, подметил Нельсон, и его глаза заблестели. – Нужно просто посильнее разогнаться.

– Нет-нет, даже не думай об этом, – пытался возразить Том, а Нельсон уже держал его за плечи.

Бах! Дзинь!

Словно стеклянный шар, сон Томаса разлетелся на миллионы осколков, тут же осыпавшись на что-то чёрное и бархатное на ощупь, взявшее на себя роль основания сонного пузыря Томаса. Эти кусочки были как огромный разобранный пазл, на «рубашке» которого была часть интерьера детской комнаты. Оглядевшись по сторонам, Томас поймал себя на мысли, что Нельсон не врал, рассказывая о необъятности мира снов.

Новый мир был наполнен разноцветными шарами, словно кто-то развеял облако мыльных пузырей. И они, застыв во времени, переливались всеми цветами радуги. Было тепло и тихо, никаких звуков. Томас даже услышал собственное дыхание в этой необычной обстановке. Бархатный на ощупь островок на сером фоне с застывшими пузырями сновидений. Такое не каждую ночь увидишь.

– И куда теперь? – неожиданно спросил Том, смотря в непонятный серый горизонт.

– А куда хочешь. Если взлететь, то можно увидеть сны других людей, пробраться в их воображение. Оно, правда, порой остановлено во времени, но если разбудить участников сна, то будет весело, – рассказывал Нельсон, поднимаясь над разбитым пузырьём сна.

– Взлететь и разбудить участников сна? – удивился Том.

– Какой из двух глаголов тебя удивляет? – паря над ним, спросил Нельсон.

Том не сразу ему поверил, что тут, в мире сновидений, можно и нужно летать. Темнокожему пареньку, со всей серьёзностью, пришлось провести обряд, бормоча на скорую руку придуманное заклинание и размахивая самодельным улавливателем снов, дабы уверить Томаса в скрытых задатках к полётам. Для большей убедительности Нельсон истолок в пыль осколки разбитого пузыря сновидений и посыпал ими Томаса.

Вуаля! Томас оторвался от чёрного основания. Он взлетел, разглядывая ноги, болтавшиеся в невесомости, Томас не верил своим глазам, паря над тёмным дном разбитого пузыря, поднимаясь всё выше и выше. Там, наверху, они увидели голубого цвета небесный свод и миллиарды шаров, свободно паривших в воздухе, они переливались словно мыльные пузыри. Это потом Томас узнает, что наверху – хорошие сны, а внизу всегда снятся кошмары, но сейчас для него всё это

было в диковинку, словно неизведанный первобытный космос во вселенной снов.

– Летим, не бойся, я покажу тебе тысячи миров, – взяв за руку друга, сказал Нельсон, и они полетели навстречу приключениям.

На следующую ночь всё повторилось. Нельсон ждал друга на кровати, правда, в этот раз пузырь сновидений был уже разбит. Как потом говорил Нельсон: «Не переживай, твой кошмар разбился навсегда!» Честно, Томас и не переживал по этому поводу. Забросив все свои ритуалы с игрушками и включённым ночником, он буквально ждал ночи. Поначалу родители не могли понять причину столь резких перемен в жизни подростка, ведь никто не знал о его ночном друге, и они предположили, что их ребенок выздоровел, ну или просто повзрослел, и его детские страхи ушли, уступив дорогу подростковым увлечениям и интересам. И эти умозаключения устраивали всех, даже Нельсона. Томас теперь ещё больше мог проводить времени в мире снов, с огромным желанием засыпая, а не как прежде, оттягивая этот момент до глубокой ночи.

* * *

Где только они не были: на пиратских шхунах, сражаясь на стороне добра; в лилово-розовых и плюшевых мирах мягких игрушек; в космических путешествиях и галактических войнах; в глубоких золотых шахтах с огнедышащими дра-

конами; в страшных подворотнях, дрожа при виде ночных чудовищ, и даже во взрослых снах, тайком подглядывая за целующимися на заднем сиденье авто. И всё новые и новые пузыри сновидений были ещё впереди, и за каждым – свой мир. Нужно было только войти в чужой сон, разбудить его персонажей, и магия ночного приключения начиналась. Если пузырь сновидения им не нравился, то они, наслаждаясь неподвижностью, просто гуляли по сну.

– Какой странный пузырь снов, – пролетая перед очередным сновидением, заметил Том. – Я в который раз его замечаю, там почему-то один и тот же сон.

– Там живёт девочка, я был тут когда-то. Ничего интересного, она мечтает научиться ходить, – ответил Нельсон.

– Давай посмотрим, – неожиданно предложил Том.

– Ты серьёзно? – Нельсон даже остановился и посмотрел на друга, но, понимая, что тот настроен решительно, лишь неодобрительно выдохнул и чуть слышно добавил: – Ну пойдём, раз ты этого хочешь. Только не привлекай её внимание. Не стоит её будить.

– Идёт! – радостно воскликнул Том, и они потихоньку вошли в новое сновидение.

Это был мир Эмул.

Розового цвета обои с цветочным узором, мягкие игрушки, компьютерный столик, книги и кресло-коляска возле кровати.

Сон Эмул был таким же, как и много ночей назад. Девочка сидела за столом и грустила. Она ни на что не реагировала и ничего не замечала. Нельсон говорил: «Так происходит, когда люди просто спят, а наутро не помнят свои сны». Их можно разбудить и пообщаться, но зачастую это будет неудачная затея, придётся выслушать проблемы и заботы хозяина сновидения. В нижней части мира снов всегда попадаешь в пузыри махровых пессимистов и плакс, которые делятся своим хроническим невезеньем, взывая о помощи. Поэтому они с Нельсоном договорились не будить этих обиженных на жизнь людей, порой лишь гуляя в их застывших снах. Плюсом таких пузырей сновидений была достоверность в застывшем сне, тут были уголки Земли из не выдуманной, а увиденной действительности.

– Так забавно, – проводя возле её лица рукой, говорил Том. – Попробуй, это так прикольно – она словно спит наяву.

– Да, верно, – стараясь быстрее уйти, говорил Нельсон. – Пойдём, здесь нет ничего интересного. Маленькая комнатуха, грустная девочка. Ничего весёлого.

– Ты попробуй, – тянул его повеселиться и пошутить над застывшим подростком Томас. – В маленьких пузырях всегда скучно, но, как ты говоришь, они просто не умеют в них веселиться, – говорил Том. – Хотя знаешь, что я заметил: в каждом таком пузыре сидит какой-то грустный человечек, и с каждым днём его сон всё тускнеет и тускнеет. Почему так происходит, Нельсон?

Неожиданно девочка словно ожила и повернула голову в сторону Тома. Он не заметил этого, но вот Нельсон, обеспокоенный этим обстоятельством, заторопился ещё быстрее покинуть необычный и очень грустный сон.

– Пойдём отсюда, я потом тебе всё объясню, – уже тянул его к выходу темнокожий паренёк.

– Почему ты так торопишься, Нельсон?

Показалось, что девочка стала двигаться, точнее, дышать, она даже стала более яркой. словно за доли секунд её, как в рисованном мультфильме, разукрасили.

– Пошли прочь отсюда! – настойчиво закричал друг.

– Что с тобой, Нельсон? – сопротивляясь ему, спросил Томас.

И только Том успел проронить в третий раз его имя, как с уст девочки слетело еле слышное:

– Я вспомнила! Его звали Нельсон, – и Эмул начала двигаться.

– Бежим, – закричал Нельсон и выбежал из пузыря.

– Это был Нельсон? – спросила ожившая девочка.

– Откуда ты знаешь его имя? – остановившись, спросил Томас.

– Я права? – настаивала Эмул.

– Да, но откуда?

Удивлённый всем произошедшим, Томас не последовал за другом, а остался, пытаясь получить объяснения от Эмул. Обычно, чтобы разбудить хозяина сна, требовалось произ-

нести его имя. В пузыре сновидения всегда были предметы с написанным именем автора сна, а тут, наоборот, девочка ожила, сказав чужое имя. Такое произошло впервые. На вопрос, как она это сделала, Эмул рассказала, что уже знакома с Нельсоном, и, понимая, что он её слышит по ту сторону сновидения, она попросила прощения за свою забывчивость. Впрочем, Нельсон так и не зашёл в её пузырь сновидения. Потом они разговорились, Томас пытался шутить, рассказывал о невероятных приключениях, в которых они побывали, Эмул в свою очередь показала тайную дверь в её ночной городок с игрушками и придуманными друзьями. Подростки разыгрались настолько, что позабыли, как пролетела ночь – передав эстафету утру. Кто бы мог подумать, что у них будет так много общих тем для разговоров. «Вот тебе и зона кошмаров, с грустными хозяевами», – перед просыпанием подумал Томас, лишний раз убедившись в том, что исключения из правил бывают во всём.

– Говорил же, не надо было туда идти, – произнёс Нельсон, после того как Томас рассыпался в пыль, что означало его пробуждение, – Теперь нас будет трое, – грустно добавил он, когда и Эмул рассыпалась в пыль. – Сколько раз убеждался, что женщины всегда всё портят, даже если им всего тринадцать лет.

Как и предвидел Нельсон, на следующую ночь Томас разбил пузырь Эмул и показал своей подружке вселенную снов. В ту ночь Нельсон чувствовал себя лишним, но ему некуда

было уйти. В глубине души он радовался за друга, что тот впервые в жизни влюбился. Немного раздражали перемены в поведении Тома, его желание казаться лучше, чем он был на самом деле, хотя так делают все мальчишки, когда в их жизни появляется настоящая любовь.

* * *

Так непривычно любить кого-то во сне, встречаться с ним каждую ночь, держать за руку в играх. Ловить влюблённые взгляды на себе. Смеяться и дурачиться, не представляя, как можно было жить без этого человека там, в скучном реальном мире. Но шли ночи, и подростки, путешествуя по всё новым и новым пузырям, научились делить дружбу на троих. Том, правда, не перестал выпендриваться перед Эмул, но всё шло к более естественному поведению, привычному для подростков.

– Смотри, Эмул! – Том что есть сил разогнался и прыгнул вниз с края пропасти с протяжным криком: – Ехо-хо-о!

– Куда он? – в очередном пузыре сновидения бросившись за другом к обрыву, испуганно спросила у Нельсона тринадцатилетняя девочка.

– На облако, – ничему не удивляясь, нехотя ответил Нельсон, подойдя к краю обрыва.

Зелёный мох покрывал весь утёс, казалось, он простирался от горизонта до горизонта. В этом пузыре сновидения, на плоском утёсе, стояла одинокая лавочка из камня и дерева,

на которой сидел грустный мужчина в шляпе. Один, почти неподвижный, он смотрел на разноцветные облака перед закатом. Эта сфера стала их любимой, наверно потому что она почти не менялась: всегда тот же самый грустный мужчина, закат на склоне обрыва и разноцветные облака.

– Эй, Эмул, прыгай на облако, – прокричал снизу Томас.

– Ну, что встала, прыгай, – недовольно буркнул Нельсон. – Ничего с тобой не будет; облако как вата, – произнёс он и, разбежавшись, прыгнул с обрыва.

Это было невероятное ощущение: будто в снегу, твои ноги проваливались в облаке алого цвета. Рядом было ещё одно облако, уже розового цвета, а повыше – молочного цвета, на него можно было опереться словно на плюшевую игрушку. Оно пахло чем-то сырым и на ощупь было точно сахарная вата, только не липкая. Это было очень здорово – прыгать по розовому, молочному, алому облаку, играя в салки. Ночное приключение во сне грустного человека в шляпе останется в памяти Томаса и Эмул на всю жизнь, и даже годы спустя, вспоминая о нём, они будут по-особенному улыбаться, переглядываясь и переживая те волшебные мгновения их жизни каждый раз как будто в первый.

– Аккуратно, – засмеялся Том, когда подхватил Эмул: та увязла одной ногой в ямке на тучке.

– Прости, – покраснев, сказала девочка, случайно дотронувшись до его губ.

– У тебя нежные губы, – смущаясь, прошептал Томас.

– Я не хотела, – ещё больше покраснела Эмул и отошла. – Ну что, может, в другой пузырь? – чтобы хоть как-то разрядить обстановку после случайного поцелуя, предложила она.

– Боюсь, вы скоро проснётесь, – улыбнулся Нельсон, и Томас тут же рассыпался в пыль.

– Как ты это узнаёшь? – только и успела спросить Эмул и рассыпалась тоже.

– Поживи с моё, тут и не такое научишься распознавать, – с какой-то грустью в голосе сказал сам себе Нельсон, а потом задрал свою майку и с ужасом подметил: – Уже скоро совсем стану прозрачным.

На следующую ночь Томас и Эмул в огромном мире снов так и не услышали завораживающего смеха Нельсона. Вообще эта ночь была странной: проходить сквозь сферы в чужие сны у них не получалось. Они бездумно летали по миру из разного размера шаров и по сути не знали, что им делать. О веселье и речи не было, почему-то появились разговоры о реальном мире без сна. Том был удивлен, когда Эмул поведала ему о своём недуге. А Эмул даже рассмеялась, когда выяснилось, что они живут в одном городке. Мир вне сна оказался таким тесным и маленьким. В ту ночь, гуляя между чужих сновидений в поисках друга, они договорились о встрече в реальном мире. Словно предчувствуя, что этот мир сна скоро станет закрытым для них.

Забавное совпадение: как оказалось, Эмул жила в кварта-

ле от дома Томаса.

– А тебе чего, парень? – открыл входную дверь отец.

– Эмул тут живёт? – ещё раз спросил худощавый тринадцатилетний паренёк.

– Да, а зачем она тебе? – вглядываясь в голубые глаза и светлые волосы гостя, поинтересовался отец.

– Мы дружим, меня зовут Том Румо, – улыбаясь, говорил мальчик. – Мы дружим с вашей дочерью в интернете, – пояснял Томас, видя недоумение взрослого. – И я пришёл к ней в гости. Мы договаривались о встрече.

– О встрече? – очень удивлённо ответил отец, но всё-таки впустил паренька в дом.

Ещё бы, ведь у его дочери вообще не было подруг, а тут парень – симпатичный, и, на первый взгляд, его намерение дружить казалось вполне серьёзным.

И они подружились во второй раз.

Каждый день после школы Том забегал на чай к Эмул, и в эту пару часов в доме Эмул поселялся детский смех и веселье. И это было чудо. Маленькое трогательное и чистое помыслами чудо.

– Слушай, Эмул, я только сейчас вспомнил, как в очередную ночь безудержного веселья я и Нельсон забрели в какую-то больницу, городка Хилком. Там было всё так мрачно и серо, будто это больница из ужастиков, – говорил Том. – Но самое интересное, пузырь этого сна был разбит, а предметы не были разрушены, как это произошло в наших пузы-

рях. Я тогда ещё спросил у него, чей это сон. Но Нельсон был сам не свой, он был так печален, настолько, что даже стал медленнее двигаться, и, когда я буквально вытащил его из больницы, он кое-как ожил, – прохаживаясь по комнате, продолжал рассказ Томас.

– Думаешь, Нельсон умер и поэтому мы его больше не видим во сне? – спросила у своего друга девочка в кресле-коляске.

– Я не уверен, если честно, – пожал плечами Томас. – Я попробовал отыскать эту больницу, и она действительно существует. К сожалению, добраться до базы данных всех пациентов больницы мне не удалось.

– А ты сможешь ночью показать мне этот разбитый пузырь? – спросила Эмул.

– В принципе да, – задумался об идее вернуться туда ночью Том.

В этот момент в комнату вошла мама Эмул, она принесла сладкие булочки и чай, подростки с удовольствием поужинали и с большим усердием стали строить планы по поиску их пропавшего друга Нельсона. Они даже нарисовали на бумаге схему, как добраться до госпиталя Хилком. Дело осталось за малым: встретиться в сновидении и найти ответ на вопрос: «Куда пропал Нельсон?»

Ночью они пробрались к пузырю Нельсона и были удивлены происходящим. Больница Хилком исчезала, превраща-

ясь в пыль, словно кто-то стирал её из воспоминаний. И как только здание рассыпалось, они в ту же секунду проснулись. На часах было ровно три часа ночи. И как ни пытались подростки заснуть и заново добраться до пузыря Нельсона, у них ничего не вышло. Мир Нельсона исчез.

***

Прошло больше месяца, как Эмул и Томас поняли, что больше не могут видеться во сне. Мало того, сны вообще перестали им сниться, они засыпали и просыпались, ничего не помня о ночных приключениях. Это было невыносимо мучительным периодом в их жизни. А при каждой встрече они то и дело говорили на эту тему.

– Том, а ты не думал, куда исчез Нельсон и его мир? – в очередной раз спросила Эмул.

– Думал, – ответил Томас, разглядывая портрет друга. – Он умер в той больнице?

– Хилком? Не думаю, больница за тысячи километров, на другом континенте, – словно взрослая, рассуждала Эмул. – Я вообще не уверена, что он оттуда, а если это только наш сон, наше воображение? Больница, все приключения, да всё, что мы видели во сне, – плод нашей фантазии.

– И Нельсон – воображение? – удивлённый, спросил Томас.

– Да, и он, – уверенно ответила Эмул. – Ну не знаю, есть же какие-то научные термины для таких снов. Мы просто не

знаем их, но они существуют, есть простое и логичное объяснение всему, что было, – уговаривала друга Эмул. – Может быть, мое чувство вины создало этого темнокожего паренька, а твой страх ночных кошмаров притянул его, и потом наш Нельсон соединил нас. И все те приключения лишь наши фантазии. Соглашусь, что непонятно, как мы одновременно их видели во сне, но и этому есть объяснение.

Томас молчал, он смотрел в глаза Эмул и молчал. Факты и домыслы были мучительны и неоспоримы: мир Нельсона исчез, и теперь, месяц спустя, это было уже фактом, кошмары и страхи Томаса исчезли, и это тоже были непреложные факты. Эмул перестала обвинять себя в той детской трагедии, которая приковала её к инвалидной коляске, – это ещё один факт. Подростки вынесли самое главное из дружбы с темнокожим пареньком из сновидений: они перестали быть взрослыми, приняв свои недостатки и научившись жить с ними. Ведь если ты боишься кошмаров, разве это плохо? Ты просто не умеешь в них веселиться! А если ты не можешь ходить, то это не значит, что с тобой не будут дружить и ты навсегда будешь зависеть от инвалидной коляски. Твои проблемы в осознании, и если ты как взрослый будешь видеть проблему в том, что не можешь ходить, то так и будет, а если просто продолжить жизнь, не замечая свой недуг, как это делала Эмул в мире снов, тогда и все вокруг не заметят твою инвалидность. Нельсон заставил Эмул и Тома вновь стать подростками, по крупицам прививая им любовь к приключениям и жажду от-

крытый в огромном мире снов, и это тоже был факт. Но было и поле для домыслов: «Куда пропал Нельсон?»

Восемнадцать лет спустя. Где-то в ЮАР.

– Остановите! – выкрикнула Эмул. – Том, это Хилком!

Она тут же встала с кресла с помощью механического каркаса нижних конечностей и поспешила к водителю автобуса. Но водитель и гид продолжали движение по маршруту, и только когда Томас настоял на остановке, буквально мешая управлять автобусом, они остановились. Скандальная парочка, ничего не объясняя, покинула машину. Том, взяв под руку Эмул, помогал ей передвигаться с помощью каркаса, движения были механическими и неуклюжими, но они целенаправленно, быстрым шагом шли в больницу.

– Простите, – подбежал к темнокожему регистратору и по гаджет-переводчику начал говорить Томас. – Это больница Хилком? Вы понимаете мою речь?

– Да, сэр, – ответил медицинский работник.

– У меня есть личная просьба, – убрав книжку-смартфон, осознавая, что его родной язык понимают, воодушевлённо заговорил Томас. – Я ищу друга, он лечился тут какое-то время.

– Вот его портрет, – протягивая мятый листок постаревшей бумаги, сказала Эмул.

– Вы помните, когда это было? – пытаюсь помочь, спросил медицинский работник.

– Восемнадцать лет назад, его звали Нельсон, – ответила Эмул, держа мужа за руку.

Всё происходившее казалось авантюрным и спонтанным, муж и жена остановили водителя и гида, ничего не объясняя им, вдвоём вышли из автобуса, полностью сорвав туристический маршрут. Все, кто были с ними в туре, сначала негодовали из-за столь внезапной остановки, но, вникая в тайну исчезновения Нельсона, даже помогли с переводом врачебной документации. История семьи Румо казалась детской выдумкой, но, наблюдая за их неподдельным интересом к судьбе темнокожего подростка, люди начинали верить и в мир сновидений, и в ночные путешествия с их другом Нельсоном. Тем более что выяснилось: такой парень существовал в реальной жизни. Конечно, никто и не догадывался, что Эмул и Том вынашивали идею отыскать больницу Хилком ещё с юности, когда окончательно поняли, что путешествий по миру сновидений больше не будет. И да, это была заслуга Нельсона, что Эмул стояла, пускай в механическом каркасе, но стояла. А Томас без страха за собственную жизнь был далеко-далеко от дома. Это он, тот темнокожий паренёк с заразительным смехом, подарил им любовь к приключениям и показал, что страх надо потрогать, изучить, попробовать, да что угодно с ним сделать, только не жить в нём, и они поверили ему. И только поэтому они были так далеко от дома, в

поисках истины.

«Нельсон Руэ Эбуле – умер в три часа ночи, не приходя в сознание, в возрасте тринадцати лет. Он пробыл в коме долгих семьдесят два дня», – именно так было написано в посмертном эпикризе истории болезни того самого паренька с заразительным смехом и чёрными как смола кудряшками.

И ровно семьдесят ночей продлилась дружба Томаса с Нельсоном. Он умер в ту самую ночь, когда они отыскиали его сонный пузырь, в надежде помочь другу. Оставалось загадкой, как он это делал, как он проникал в сознание Эмул и Томаса, но сейчас, спустя годы, по сути это было неважным, главное было в том, что Нельсон существовал, всё было по-настоящему и мир снов не был плодом фантазии двух подростков.

Год спустя. Больничное кладбище.

Держа за руку мужа, Эмул подошла к могилке их друга детства. Они взяли за традицию приезжать каждый год в городок Гаутен в день рождения Нельсона.

– С днём ангела, Нельсон! – первой заговорила Эмул. – У нас для тебя новости, – дотронувшись до чуть видного животика, сказала она.

– Кстати, Эмул взяли в программу по тестированию новой технологии, там протезы будут соединены с головой, –

объяснял Том.

– Не с головой, а с нервными окончаниями, – поправила его Эмул. – Это позволит мне бегать и плавать.

– Мир так стремительно меняется, – подметил Том, разговаривая с воображаемым другом.

– Нам тебя не хватает, – вытирая слёзы, прошептала Эмул.

– Это точно, – обняв супругу, добавил Томас.

– Нам было так весело втроём, – добавила Эмул.

– Согласен, Нельсон научил меня веселиться в мире страхов, а тебя он научил ходить, – гордо подметил Томас.

– В моём случае медицина помогла мне ходить, – поправила его Эмул. – Учёные изобрели каркасные протезы для инвалидов, Нельсон тут ни при чём.

– А мне кажется, если бы не он, то *нас* бы и не было...

Эмул, улыбнувшись, посмотрела супругу в глаза и не стала возражать, где-то в глубине души принимая ту значимость их дружбы с Нельсоном.

– Эмул, у меня идея, я понял, как назвать сына, – Томас, положив на могилку друга цветок и улыбнувшись, посмотрел на жену.

– Не поверишь, – сказала Эмул. – Я подумала о том же самом.

– Нельсон, – они прошептали имя друга почти одновременно, а потом рассмеялись точь-в-точь, как это бы сделал сам Нельсон.